

«Болгарская рапсодия»

В Центральном Доме Российской Армии прошла презентация сборника стихов «Болгарская рапсодия»...

Становой свято хранит традицию классическому стихосложению. Поэтесса – известная продолжательница традиций великих поэтов Христо Ботева, Николая Вацарова, Димчо Дебелянова...

Болгария – милая, скорбная птица. Крыло – на Дунае, крыло – на Марице. Прошла сквозь меня твоя тяжёлая рана – Гнездятся птенцы твои за океаном.

Есть человек, без которого книга Дафинки Становой вряд ли состоялась бы. Лауреат Государственной премии России Владимир Фирсов написал в послесловии: «...её перевод мой ученик, выпускник Литературного института имени А.М. Горького Валерий Латынин».

Можно смело сказать, что «Болгарская рапсодия» – это совместный труд двух ла-

вских поэтов: Дафинки Становой и Валерия Латынина. Переводчик бережно отнёсся к форме и содержанию стихов...

Презентацию открыл сам Валерий Латынин, обстоятельно рассказавший о своей творческой связи с болгарскими коллегами.

В презентации приняли участие представитель болгарской фирмы «БУЛИСТАРТ» Пламенка Пенчева; генеральный консул РФ в Варне Анатолий Шелкунов; казачий певец и музыкант, прекрасный исполнитель Сергей Земцов; руководитель международного лагеря спортсменов «Витязь» Николай Немчинов; замечательный прозаик Ирина Ракша; поэт Аршак Тер-Маркарян...

Галина КУПРИЯНОВА

Книга о ветеранах

«Дорогами Победы»

В её создании приняли участие сорок пять писателей-участников Великой Отечественной войны. Она написана людьми, прошедшими партизанскими тропами, фронтовыми дорогами на земле, в море и в воздухе...

С чего начинается служба? Служба начинается с повести! Вот и в начале каждого авторского раздела даются краткие биографические сведения о жизненном и творческом пути того или иного автора.

Героизм моряков и летчиков, их мужество, стойкость показаны Михаилом Годенко, Николаем Муш, Юрием Вино-

градовым, Евгением Войсунским. Ими приоткрыты страницы о малоизвестных событиях вокруг полуострова Ханко, о подвиге и трагической участи моряков, связанной с турбозлектроходом «Иосиф Сталин».

О размахе партизанского движения в Брянской и в Смоленской области рассказано в материалах Михаила Бурькина, Михаила Варегова, Надежды Медведевой, Александра Подобеда.

Михаил Бурькин с ноября 1941-го по март 1943-го года действовал в Хинельской партизанской зоне, территории которой контролировали отряды Севский, Хомутовский, Путивльский, Эманский, Ямпольский, Ворошиловские №1 и №2 и другие, такие как «За Родину», им. Чапаева, им. Дзержинского.

Местное население создавало отряды самообороны, которые защищали сёла и деревни. Жители их день и ночь работали на партизан. Были и драматические минуты в жизни партизанских поселений, когда фашисты и их сателлиты устраивали карательные операции: они убивали детей и стариков, сжигали дома.

врага. На борьбу с ними немцы бросили огромные силы: многие наши соотечественники сложили свои головы в боях и в концентрационных лагерях.

Смелиж – партизанская столица. Здесь не было семьи, которая не была бы связана с народным сопротивлением. Семья Варичевых – тому пример. Среди них – братья Виктор, Алексей и Михаил.

разведки, мастер по изготовлению мин, переводчица-разведчица и др. Трагическая судьба 77-летнего Фёдора Алексеевича Варичева, описанная Михаилом Варичевым, не может не тронуть сердце.

Эту книгу нужно читать и читать. Она о жизни простых советских людей, взвешавших в свои руки оружие и вставших преградой на пути врага.

и Ленинградом, под Сталинградом и на Курской дуге, форсировали Днепр, освободили страны Европы, штурмовали Берлин.

Книга имеет большое познавательное значение. Написана ярко, глубоко, с чувством большого уважения к своим боевым товарищам.

Сборник обращён в первую очередь к нашей молодежи. Это правдивая повесть о событиях, которые будут жить в сердцах каждого патриота России, в памяти людей.

И ещё важно то, что материалы книги, повествующие о войне, обращены в послевоенный период – период восстановления страны, когда солдаты, снявшие шинели, весь советский народ в едином порыве восстанавливали разрушенную страну, строили новые города, фабрики и заводы, строили новую жизнь.

Книга заканчивается стихотворением Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом», где есть слова:

...Я вам жизнь завещаю, Что я больше могу? Завещаю в той жизни Вам счастливыми быть И родимой отчизне Счастью дальние служить.

Свою задачу – передачу опыта и знаний московских писателей-фронтовиков новым поколениям – авторский коллектив выполнил с честью. Издание, несомненно, займёт достойное место в золотом фонде летописей о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

В книге приведён список авторов, входящих в Региональную общественную организацию писателей-участников Великой Отечественной войны на 1 мая 2010 года. В нём 66 имен. Всем им мы говорим большое спасибо за их ратный подвиг и за творческую работу над книгой.

Б. АЛЕКСАНДРОВ, кандидат технических наук, доцент, ветеран военной службы

З. ГРЕЧНЕВА, ветеран труда

В декабре прошлого года (9. XII. 2010) на канале «Культура» состоялось очередное телевизионное шоу «Культурная революция»...

Прозвучавшее мнение шокирует не своей единичностью (примитива на шоу бывает более чем достаточно), а молчаливым согласием, которое в данном конкретном случае было проявлено всеми присутствовавшими...

Вот что заявил один из участников (не буду воспроизводить его фамилию, она того не стоит): «Массовость произведений Достоевского объясняется тем, что в их сюжетной основе заложены код бульварных романов».

Прозвучало, повторюсь, совершенно однозначное суждение-оценка: добиваясь читательского успеха, Достоевский закладывал в свои произведения код бульварных романов.

Что тут скажете? Степень невежества каждого отдельно взятого читателя может быть разной, но знаменатель справедливости всё-таки один на всех.

Совершенно очевидно, что подобное мнение следовало бы опровергнуть как несостоятельное, ложное, безграмотное. Не в целях защиты Достоевского – он в такой защите не нуждается...

Хотелось бы спросить: ведает ли господин N, что такой автор как Пётр Бородин написал больше, чем Лев Толстой, однако более-менее известным из всего им написанного является лишь роман «Китай-город»?

Хотелось бы спросить: ведает ли господин N, что такой автор как Пётр Бородин написал больше, чем Лев Толстой, однако более-менее известным из всего им написанного является лишь роман «Китай-город»?

Ведает ли тот же господин N, что на сюжет романа Льва Толстого «Анна Каренина» написано около ста произведений, созданных до Толстого и после него?

Художественное чутьё Ивана Бунина, боготворившего своего кумира Льва Николаевича, в какой-то момент подтолкнуло его на печальный поступок. Бунин решил, что роман «Анна Каренина» слишком растянут, а значит неполноценно, и он отрёкся от переделки ввиду полной несостоятельности результата.

Что закодировал Толстой? И что удаётся раскодировать читателю, такому разумному по интеллекту, возрасту, профессиональной принадлежности?

Справедливо говорят, что у человека читающего должно возникнуть эмоциональное отношение к тексту и эмоциональная оценка как способ усвоения авторской мысли, идеи, образа.

В этих простых истинах и философии, и писатель указывают на единственно вер-

ным восприятием: приехал, узнал, полюбил, женился...

Говорят, что, помимо накопления знаний, человеку необходимо учиться управлять собою, дабы жить как разумное существо.

«Писатель исключительной русской темы, Достоевский отвергает своего героя, русского человека, в бездну проблем, возникших перед человеком вообще на протяжении всей его истории.»

«Человек, как он изображён Достоевским, отличается колоссальным напряжением духовных сил.»

откровенным и обладать всеми другими свойствами, в наличии которых особенность человеческой природы? Не забывай же впрямь при всяком событии, повергающем тебя в печаль, пользоваться основоположением: «Не событие это является несчастьем, а способность достойно перенести его – счастьем».

Какая отточенность благороднейшей мысли! Не эта ли ограниченная нравственная мудрость гениального художника и держит нас, читателей, в постоянном плену? Какой точный ответ на вопрос: в чём секрет популярности произведений писателя? Конечно же, ответ таков: в характеристике, которая даёт человеку со стороны лучших его качеств.

Произведения Достоевского – это мощный творческий родник. И его никто

не озаимствования «когда бульварных романов» следует говорить при анализе произведений Достоевского, а о непрерывном мучительном поиске сюжетной канвы для претворения грандиозных творческих задач.

«О, Сонечка! – пишет он своей племяннице С.А. Ивановой в 1870 году. – Верите ли, я знаю наверно, что, будь у меня обеспечено два-три года для этого романа («Бесы»)...

Подобные признания не лёгких поисков воплощения творческого замысла нередко встречаются и в других письмах. «Не могу же я знать вперёд, что целый год промучаюсь над планом романа (именно промучаюсь)».

«Читаю, читаю – изменяю и Мстиславу, и Всеволоду, и Ярополку, вижу, как они морщатся на меня, досадно мне, – а вот сию минуту дочитал до 149 стр. третьего тома и просто растаял, плачу, радуюсь.»

«Где, как, когда взошёл он в себя из этого воздуха, которым дышал в разных гостинных и холостых военных компаниях, этот дух и прочее. Славный вы человек, прекрасный талант!.. Я боюсь за Наташу (она до сих пор понаревнилась мне больше всех), чтобы не случилось с ней чего, чтоб не испортилась она! Я стал бы бояться и за вас, но, кажется, вы уже на другом берегу».

«Теперь будет и такое откровение: «И так как я соображал изобретение повести с направлением и характером того издания, куда хотел тиснуть, то целый месяц гоним и ничего не надумал, кроме мигренья и расстройства нервов, да трёх великолепных сюжетов для трёх больших романов» (выделено автором. – А. Ч.).»

Интересен ответ самого писателя: «Ответ: что, стало быть, есть во мне столько таланта, что можно было преодолеть нищету, рабство, болезнь, азарт критики, торжественно хоронившей меня, и предубеждение публики... Если есть во мне талант действительно, то уж нужно им заняться серьёзно, не рискуя с ним, отделивать произведения, а не озабочивать против себя своей совестью и мучиться раскаянием и, наконец, шадить своё имя, т. е. единственный капитал, который есть у меня».

Отмечая самобытность произведений писателя, нельзя не сказать и об опреде-

лённых заимствованиях. Да, мы нередко встречаемся с переложением на новый лад известных на то время мотивов или сюжетов. Не исключено, например, что длинный монолог Мармеладова, редка перебиваемый репликами Раскольникова, является интерпретацией какого-то апокрифа.

Как утверждает Достоевский, ему не приходилось «ломать голову над сюжетными»... Он всегда удивлялся, когда слышал от писателей жалобы вроде следующей: «...да об чём бы, кажется, говорить и писать?» У него никогда не было недостатка ни в идеях, ни в темах, ни в сюжетах.

Предъявляя высокие требования к личности писателя, Достоевский хотел видеть определённый талант и в читателе. Он подчёркивал: заражаясь самобытной энергией художника, «пусть потрудится сам читатель».

«Теперь будет и такое откровение: «И так как я соображал изобретение повести с направлением и характером того издания, куда хотел тиснуть, то целый месяц гоним и ничего не надумал, кроме мигренья и расстройства нервов, да трёх великолепных сюжетов для трёх больших романов» (выделено автором. – А. Ч.).»

«Теперь будет и такое откровение: «И так как я соображал изобретение повести с направлением и характером того издания, куда хотел тиснуть, то целый месяц гоним и ничего не надумал, кроме мигренья и расстройства нервов, да трёх великолепных сюжетов для трёх больших романов» (выделено автором. – А. Ч.).»

«Теперь будет и такое откровение: «И так как я соображал изобретение повести с направлением и характером того издания, куда хотел тиснуть, то целый месяц гоним и ничего не надумал, кроме мигренья и расстройства нервов, да трёх великолепных сюжетов для трёх больших романов» (выделено автором. – А. Ч.).»

«Теперь будет и такое откровение: «И так как я соображал изобретение повести с направлением и характером того издания, куда хотел тиснуть, то целый месяц гоним и ничего не надумал, кроме мигренья и расстройства нервов, да трёх великолепных сюжетов для трёх больших романов» (выделено автором. – А. Ч.).»

«Теперь будет и такое откровение: «И так как я соображал изобретение повести с направлением и характером того издания, куда хотел тиснуть, то целый месяц гоним и ничего не надумал, кроме мигренья и расстройства нервов, да трёх великолепных сюжетов для трёх больших романов» (выделено автором. – А. Ч.).»

«Теперь будет и такое откровение: «И так как я соображал изобретение повести с направлением и характером того издания, куда хотел тиснуть, то целый месяц гоним и ничего не надумал, кроме мигренья и расстройства нервов, да трёх великолепных сюжетов для трёх больших романов» (выделено автором. – А. Ч.).»

Код дремучего невежества

